

Летуа Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургский государственный университет

Tatiana Letuta V.

[PhD in Law](#), associate professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Orenburg State University, ltv10@mail.ru

УДК 347.51

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TORT LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Аннотация. В исследовании отстаивается идея необходимости коренного пересмотра подхода к правилам возмещения вреда, причинённого деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в связи с распространением систем искусственного интеллекта и робототехники. Предлагается закрепление нового вида источников повышенной опасности – автономные источники повышенной опасности. Описывается правовой режим таких объектов в целях определения субъекта, обязанного возмещать вред потерпевшим. Обосновывается необходимость смещения правила безвиновной ответственности с владельца автономным источником повышенной опасности на производителей, посредников, продавцов таких объектов. На основе учета отечественной судебной практики, а также анализа предлагаемых зарубежными авторами концепции смены парадигмы «культы вины» на «управление рисками» в деликтной ответственности, на основе определения эвентуальной опасности коммодитизации искусственного интеллекта, формулируется механизм возмещения вреда, который способен отвечать требованиям справедливости и эффективности компенсации в условиях цифровизации. Он включает предложения по расширению прав производителей автономных объектов по контролю за качественным состоянием таких объектов, по верификации их основных параметров и, соответственно, по беспрепятственному доступу к таким объектам в процессе их эксплуатации (право доступа). Он также охватывает возможность привлечения к деликтной ответственности владельцев автономных источников повышенной опасности с момента включения автономного режима только «на основе вины», а также устанавливает возможность изъятия автономного объекта у собственника на основе дополненных правил института предупреждения причинения вреда

в части приостановления эксплуатации таких объектов (при выявлении производителями и правоохранительными органами правонарушений).

Ключевые слова: деликтное право, цифровизация, деликтная ответственность, системы искусственного интеллекта, права потерпевшего, статус причинителя вреда, автономный робот

Abstract. The study defends the idea of the need for a radical revision of the approach to the rules of compensation for the damage caused by activities that create an increased danger to others, due to the spread of artificial intelligence systems and robotics. It is proposed to fix a new type of sources of increased danger - autonomous sources of increased danger. The legal regime of such objects is described in order to determine the subject obliged to compensate harm to the victims. The necessity to shift the rule of guilt-free liability from the owner of autonomous sources of increased danger to manufacturers, intermediaries and sellers of such objects is substantiated. On the basis of consideration of domestic judicial practice, as well as analysis of foreign authors' proposed concepts of the paradigm shift "cult of guilt" to "risk management" in tort liability, based on the definition of the eventual danger of commoditization of artificial intelligence, is formulated mechanism of compensation, which can meet the requirements of justice and effectiveness of compensation in conditions of cyvrovization. It includes proposals to expand the rights of manufacturers of autonomous objects to control the qualitative condition of such objects, to verify their main parameters and, accordingly, to have unhindered access to such objects during their operation (right of access). It also covers the possibility of bringing the owners of autonomous sources of increased danger to tort liability from the moment the autonomous mode is turned on only "on the basis of fault", and also establishes the possibility of seizing the autonomous object from the owner on the basis of the supplemented rules of the institution of prevention of harm in terms of suspension of operation of such facilities (when manufacturers and law enforcement agencies identify offenses).

Keywords: Tort law, the digitalization, tort liability, intelligent systems, the rights of the victim, the status of the tortfeasor, autonomous robot

Правовые нормы, направленные на цифровизацию экономики, общественной жизни, государственного управления, фиксируют необходимость акцентирования внимания на информационной инфраструктуре, цифровом государственном управлении, информационной безопасности [3, 4, 6]. Безопасность в контексте юридических наук должна обеспечиваться гарантиями защиты конституционных прав, следовательно, права на жизнь, здоровье, честь, достоинство, репутацию (ст. 2, 7, 20, 21, 23 Конституции Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [1]. В частном праве перечисленные нематериальные блага

охраняются деликтным правом (гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ) [2]. На фоне масштабных правовых преобразований, вызванных цифровизацией, российское деликтное право крайне статично и демонстрирует консерватизм, что, безусловно, являясь положительной чертой нормативного регулирования, должно подтверждаться оптимальностью правовых конструкций, их соответствием требованиям времени.

За кулисами современных дебатов относительно проектов изменений отечественного законодательства остаются вопросы деликтной ответственности, между тем, именно данный институт, отражает критически важный момент – гарантии защиты прав граждан в условиях распространения систем искусственного интеллекта, быстрого и полного восстановления прав в случаях причинения вреда источниками повышенной опасности, находящимися в автономном режиме, или ошибочных действий самого гражданина по совершению юридически значимых операций в цифровом пространстве. В основном труды российских авторов посвящены правовому регулированию систем искусственного интеллекта и робототехники, формированию концептуального подхода к пониманию данных явлений материального и виртуального мира в качестве цивилистических или публично-правовых категорий [7, 10].

Отечественная доктрина деликтного права, развиваясь вслед за достижениями научно-технического прогресса, сформулировала основные правила, при которых любой неправомерно причинённый вред признаётся подлежащим восстановлению, правомерно нанесённый вред подлежит компенсации в случаях, установленных законом (ст. 1064 ГК РФ). Для возможности возложения деликтной ответственности обязательно наличие нескольких оснований (противоправность, вина, вред, причинно-следственная связь), количество которых разнится в зависимости от конкретного вида деликта.

Безусловные преимущества распространения систем искусственного интеллекта, автономных автомобилей и беспилотных летательных аппаратов, к которым относятся повышение уровня безопасности движения и эффективности производства, неоднократно упоминались в различных изданиях, в международных докладах [17]. Они особенно ярко выделяются на фоне статистических данных. Например, согласно Стратегии безопасности дорожного движения, в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы [5], в России более 85 % дорожно-транспортных происшествий происходит по причине нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств, а на долю таких происшествий приходится более 80 % погибших.

В тоже время позитивные прогнозы повышения безопасности, связанные с безупречными алгоритмами искусственного интеллекта, могут не увенчаться успехом в силу угрозы несанкционированного вмешательства в программное обеспечение, ошибок при программировании, технического сбоя или совершения иных правонарушений с использованием систем искусственного интеллекта. Соответственно права на жизнь, здоровье, иные нематериальные блага и имущество любого субъекта гражданского права могут быть подвержены негативному воздействию со стороны систем искусственного интеллекта и автономных роботов.

В соответствии с обозначенными моментами тематика исследования является актуальной, поскольку позволяет определить перспективы развития деликтного права как института, предназначенного для восстановления прав потерпевших и справедливой компенсации их потерь имущественного и неимущественного характера.

По замечанию многих исследователей со временем объекты, порождённые всеобщей цифровизацией, будут становиться независимыми от первоначальных конструкций и алгоритмов, потому применение традиционной парадигмы гражданско-правовой ответственности в отношениях с их участием с одной стороны может вызвать появление несправедливых решений, с другой стороны, препятствовать развитию

инновационных отношений и торговли такими объектами [13]. Как отмечается в работе Е. Марчисо необходимо при конструировании ответственности постепенно отходить от «культы вины» и переходить на «управление рисками». Рассматриваемый риск зависит уже более не от людей, он зависит от специфики самой деятельности.

Представляется, что это ключевой момент проблемы развития деликтного права в условиях цифровизации. И он существенным образом отличается от действующего в России специального деликта – ответственности при эксплуатации источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Отличие состоит в том, что классический подход, вырабатываемый ещё со времён строительства имперских железных дорог опирался на фигуру владельца опасного источника, который осознанно, приобретая право на управление объектом, не поддающимся полному контролю со стороны владельца, принимал на себя риск причинения вреда [8 с.562]. На такого владельца распространяются специальные правила, сводящиеся к необходимости для лица, управляющего автомобилем, самолётом, мотоциклом или возглавляющим атомную электростанцию всеми возможными способами предотвратить наступление вреда. Законодатель предъявляет повышенные требования к навыкам такого лица, требует от него внимательности, осмотрительности, быстроты реакции и знания правил эксплуатации применительно к управляемому источнику повышенной опасности.

На наш взгляд, концепт владения автономными роботами, задействования систем искусственного интеллекта, совершенно не требует от владельцев обозначенных способностей. Если это так, тогда деликтная ответственность по правилам ст. 1079 ГК РФ, основанная на усечённом составе правонарушения – отсутствии вины владельца (строгая ответственность) представляется несправедливой.

Автоматизация предполагает не просто «невозможность полного контроля», а «выбытие из контроля владельца» и «принятие решений» на

основе машинного самообучения. В таких условиях владелец автономного робота:

- может быть не согласен с «выбранной стратегией действий» роботом;
- может быть лишён фактической возможности отключения робота, изменения его алгоритма действий;
- может стать жертвой такого объекта.

Эвентуальная опасность для человека и иных биологических существ неодушевлённых «интеллектуально саморазвивающихся» объектов, имеющих металлическую конструкцию или способных задействовать опасные бытовые приборы в разы превосходит вредоносность распространённых источников повышенной опасности. Ведь автономная газонокосилка и газонокосилка, лишённая элементов системы искусственного интеллекта, совершенно разные с точки зрения материального мира объекты. Последний никогда самостоятельно не примет решение подстричь соседский цветник, ибо управляется владельцем.

Осознавая столь колоссальное различие объектов, деликтное право должно двигаться в направлении защиты владельцев автономных объектов и выработки правил беспрепятственной быстрой компенсации вреда любым потерпевшим – как третьим лицам, так и самому владельцу. Как верно отмечает Е. Марчисо – компенсации автоматической [13]. Автоматичность выплат может гарантироваться исключительно в рамках обязательного страхования. Данный вариант, аналогичный действующей системе обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств, уже упоминался в работах учёных как возможный способ решения проблемы оперативного реагирования на причинение вреда в рассматриваемых случаях [9, с.453]. Однако, дальнейшее распределение бремени возмещения вреда в порядке суброгации открывает вопрос «уравновешивания компенсации потерпевшим с необходимостью отсутствия препятствий технологическим инновациям» [17].

Вредоносность объектов материального мира проявляется в момент их

эксплуатации, в спокойном состоянии данные объекты не признаются источником повышенной опасности [12]. Автономный автомобиль, находящийся в режиме ручного управления и движущийся по трассе – это источник повышенной опасности. При причинении вреда на владельца возлагается ответственность без вины (строгая ответственность). Что же происходит с точки зрения права при включении автопилота на движущемся транспорте? На современном этапе развития права – ничего. Распространено мнение о том, что в силу низкого уровня автоматизации управления водитель должен контролировать автомобиль, держать руки на руле и в любой момент среагировать на опасную ситуацию, взяв управление на себя. Поэтому производитель не несёт ответственности [11].

Однако, в чём же тогда смысл автономного режима, если контроль со стороны человека является главным отсекающим для возложения ответственности за причинение вреда на производителя моментом? Полагаем с точки зрения здравого смысла следует оценивать включение автономного режима в качестве действия, прекращающего возможность применения «традиционного» института ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Эксплуатация объекта человеком в этот момент завершается. Автономных роботов (системы искусственного интеллекта) следует признать новым объектом гражданского права – автономным источником повышенной опасности. Во время отключения автопилота, на такие объекты распространяются правила об источниках повышенной опасности (ст. 1079 Гражданского кодекса РФ), с момента включения автопилота – должны распространяться другие.

М. Геистфелд полагает, что устранение управления человеком должно переложить ответственность на производителей автономных роботов [14, с.1619]. Производители рассматриваемых объектов, интегрируя передовые научные разработки, являясь по сути центрами концентрации новейших объектов интеллектуальной собственности (их правообладателями или

пользователями) фактически становятся монополистами в любой сфере жизнедеятельности человечества. Централизация персональных данных, цифровой документооборот, виртуальная и дополненная реальность – все эти явления позволяют высветить прямую зависимость всех субъектов экономического оборота от действий конкретного производителя автономных объектов. Поэтому полагаем, что правила ст. 1095 ГК РФ о безвиновной ответственности перед потребителем за качество товара должны распространяться и в отношении приобретаемых автономных объектов. Оно должно затрагивать и деликтную ответственность продавцов и лиц, выполняющих работы и оказывающих услуги. Однако в отличие от действующих правил возмещения вреда, причинённого недостатками товаров, работ и услуг, деликтное право будущего должно быть направлено на создание системы надёжности сохранения свойства безопасности и качества, гарантированного в момент производства, в период доставки товара, хранения и эксплуатации товара. Поэтому в отношении систем искусственного интеллекта и автономных роботов в своём более раннем исследовании мы предлагали систему верификации – установления соответствия параметрам качества производителя, заданным в момент выпуска товара, параметрам, имеющимся в период эксплуатации товара [15, с.545, 550]. При том, для стимулирования создания условий безопасности в процессе доставки товара до конечного потребителя в отношении данных объектов, в рамках обозначенной ранее в статье концепции «управления рисками» в условиях цифровизации, требуется установление солидарной ответственности всех субъектов, участвующих в изготовлении и торговле рассматриваемыми объектами.

Что касается ответственности владельца, то возложение ответственности за вину представляется оптимальным, ибо включение режима автопилота означает потерю контроля, но в отличие, например, от снятия намордника с собаки бойцовской породы – потерю контроля в результате

осознанного выбора, а, конкретнее, веры, убеждённости владельца в безопасности системы искусственного интеллекта или автономного робота.

Применительно к тематике исследования необходимо также обозначить проблему коммодитизации искусственного интеллекта, поднятую в работе Пин Леан Лау [16]. Данный автор отмечает, что придание посредством человекоподобных роботов легитимности тому, что могло бы быть нелегитимным с точки зрения прав человека в будущем в связи с массовым использованием роботов, напрямую отразится на формировании общественного неправомерного сознания и поведения, покушающегося на конституционные права человека, человеческое достоинство. В его работе отмечается расплывчатость представления современных юристов о человеческом достоинстве и опасность совершения любых действий с человекоподобными роботами, которые являлись бы аморальными или незаконными в отношении людей.

В этой связи этичность и вариативность целей использования автономных объектов в ракурсе развития деликтного права должна оцениваться сквозь призму создания системы ответственности потребителей – владельцев систем искусственного интеллекта и автономных роботов за вред, который они причинили их собственным объектам, а также системы эффективного использования института предупреждения причинения вреда (ст. 1065 ГК РФ). Возлагая бремя рисков, связанных с производством автономных объектов на производителей и иных участников рынка их сбыта, вводя механизм верификации (а, следовательно, возможности доступа к роботам, мониторинга за их параметрами) мы должны признать и право данных субъектов на контроль за действиями владельцев и защиту своих объектов, а косвенно и защиту своей репутации как производителей безопасных товаров. Создавая сложные технические объекты, способные к самообучению, производители несут ответственность не только за локальные сбои в работе объектов, но и за глобальные социальные перемены в общественном сознании. В конце концов, четвертая *промышленная*

революция (Индустрия 4.0) не должна вызывать всплеск насильственной преступности. Именно поэтому в гражданском законодательстве требуется предусмотреть «право доступа» к автономным объектам в любой период времени их эксплуатации представителей производителя и правоохранительных органов для проведения процедуры верификации. В случаях выявления несанкционированного взлома системы, изменения алгоритмов, применения в отношении таких объектов действий, которые в отношении бы человека повлекли возбуждение административного или уголовного дела, – законодательно прописать право изъятия автономного объекта до выяснения причин, устранения изменений, проведения оценки действий владельца. Данное право полагаем возможно детализировать посредством включения его в положения ст. 1065 ГК РФ в рамках приостановления деятельности владельца по эксплуатации автономного объекта.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
4. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы» // [Российская газета - Федеральный выпуск № 15\(7478\)](https://rg.ru/2018/01/24/strategiya-site-dok.html). 25 января 2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/01/24/strategiya-site-dok.html>
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) URL: <http://government.ru/info/35568/>
7. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский

юридический вестник. 2018. № 1. С.39 – 44.

8. Исаченко В. Л. Сводъ кассационныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданскаго матеріальнаго права за 1866 – 1905 годы. С-Петербургъ. Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8. 1906. 776с.

9. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т.10. Вып. 3. С. 444-460.

10. Михалева Е.С., Шубина Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109) декабрь. С. 26 – 35.

11. Ошибка или преступление? Дело о гибели первого человека под колесами беспилотного такси слушается в суде. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54166083>

12. Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причинённого дорожно-транспортным происшествием. Свердловский областной суд. 2006. URL: http://www.ekbobsud.ru/show_doc.php?id=4765

13. Marchisio E. In support of “no-fault” civil liability rules for artificial intelligence SN Soc Sci (2021). 1(2) URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43545-020-00043-z>

14. Geistfeld Mark A. A Roadmap for Autonomous Vehicles: State Tort Liability, Automobile Insurance, and Federal Safety Regulation // California Law Review. 2017. Volume 105. Issue 6. P. 1611-1694.

15. Legashev L.V., Letuta T.V., Polezhaev P.N., Shukhman A.E., Ushakov Yu.A. Monitoring, Certification and Verification of Autonomous Robots and Intelligent Systems: Technical and Legal Approache [PROCEDIA COMPUTER SCIENCE](#). Proceedings of the 13th International Symposium "Intelligent Systems", INTELS 2018. 2019. [Elsevier B.V.](#) P. 544 -551.

16. Pin Lean Lau. The Extension of Legal Personhood in Artificial Intelligence // [Revista de bioética y derecho](#). 2019. No. 46 Barcelona. URL: https://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1886-58872019000200004

17. Report from the commission to the european parliament, the council and the european economic and social committee. Report on the safety and liability implications of Artificial Intelligence, the Internet of Things and robotics 19.2.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0064>